

Из истории утопического социализма: критика буржуазного мироустройства в концепции Р. Оуэна

В. А. Павлов¹, Т. В. Растимешина²

¹ *Московский государственный областной университет*

² *Национальный исследовательский университет «МИЭТ»*

Авторы рассматривают взгляды социалиста-утописта Роберта Оуэна на буржуазную цивилизацию. Отмечается, что Оуэн последовательно подвергал глубокой, беспощадной и всесторонней критике политические, экономические, социальные и морально-нравственные аспекты капиталистического миропорядка. Особенно жестокой атаке со стороны философа подвергалась сама его основа — частная собственность. Утверждается, что именно господство частной собственности над умами, экономическим и политическим поведением людей Оуэн считал главным препятствием к гармонизации социальных отношений и достижению основной цели человечества — всеобщего счастья.

Ключевые слова: утопический социализм; капитализм; буржуазная цивилизация; революция; экономическая формация; либерализм; частная собственность; производственные отношения; социальная справедливость.

Роберт Оуэн руководствовался в своем отношении к капитализму прежде всего тем, что эта система общественно-политического устройства не приспособлена для достижения основной цели человечества, которую он формулировал в духе традиций французских утопических социалистов XVIII в.: «Цель всех человеческих усилий заключается в достижении счастья. Однако счастье не может быть достигнуто, им нельзя пользоваться и обладание им нельзя обеспечить до тех пор, пока все люди не будут наслаждаться хорошим здоровьем и не приобретут подлинных знаний и богатства. <...> Нельзя создать худшей системы для достижения желаемой нами цели, чем

действующая ныне у всех народов мира» [1, с. 140—141]. Царящие в этой системе правила основаны на невежестве и противоречат природе. Все человеческие учреждения свидетельствуют о безумии общественного порядка. В первую очередь это относится к институту частной собственности¹. В своих произведениях Оуэн неоднократно выступал с критикой частной собственности, но целостный взгляд на это зло он высказал в «Книге о новом нравственном мире» [2, с. 5—116].

Обращая внимание на то, что частная собственность была и остается причиной «бесчисленных преступлений и бедствий, испытываемых человеком»,

© Павлов В. А., Растимешина Т. В. ¹ В отличие от Ш. Фурье и К.-А. Сен-Симона, Оуэн был последовательным противником частной собственности. Карл Маркс отмечал, что, выступая против частной собственности, Оуэн был далек от уравнилельных тенденций.

и что она «она причиняет неисчислимый вред низшим, средним и высшим классам», Оуэн указывал на конкретные отрицательные последствия, вызванные ее господством.

Прежде всего, обладание частной собственностью неизбежно приводит к тому, что собственники «становятся невежественно эгоистичными». Причем их эгоизм, с одной стороны, «обычно пропорционален в своих размерах величине собственности», а с другой — «настолько заражен равнодушием ко всему остальному, что многие из них, имея ежегодно на много больше, чем требуется для удовлетворения разумных потребностей, спокойно читают или слышат о тысячах собратий, ежедневно гибнущих вследствие недостатка работы, которую богатые им не дают».

Далее, частная собственность самым удручающим образом действует на характер человека. Возбуждая у него «гордость, тщеславие, склонность к несправедливости и угнетению», она вместе с тем «ограничивает количество его идей узким кругом, связанным только с ним самим», замыкает его сознание на собственных интересах и мелочных заботах, препятствуя тем самым постижению великих общих задач, «относящихся к благополучию человеческого рода», пониманию преимущества общих интересов.

Потом, отчуждая человеческие умы друг от друга, частная собственность становится перманентным фактором разжигания социальной вражды в обществе, а также «войн во все предшествующие эпохи известной нам истории человечества». Социальные распри и бесчисленные убийства — неизбежное следствие «безумной борьбы людей за личное обогащение».

Более того, частная собственность выступает «неизменным источником

обмана и мошенничества среди людей и вызывает проституцию среди женщин».

Затем, в эпоху промышленной революции частная собственность представляет собой фактически «единственную причину бедности со всеми вызываемыми ею по всему свету бесчисленными преступлениями и горем».

И наконец, именно частная собственность служит преградой для проведения ряда «общественных мер, которые были бы полезны для *всех*, притом часто только из-за прихоти или каприза человека, получившего неправильное воспитание».

Все это дало основание Оуэну сделать следующее заявление: вероятно, исторически частная собственность и была когда-нибудь нужна для проявления индивидуальных качеств людей, их энергии, но затем она утратила всякую полезность и стала ничем не оправданным злом. Во всяком случае, по мысли Оуэна, при современном ему уровне развития производительных сил *каждый* человек мог бы быть (разумеется, при иной общественной системе) «гораздо полнее обеспечен всем, что действительно полезно людям и что создает прочное счастье, чем этого возможно достигнуть путем борьбы и соревнования из-за приобретения и сохранения частной собственности», которая в принципе «столь же несправедлива, как неразумна на практике».

Таким образом, частная собственность не устраивала Оуэна не только как зло само по себе, но и как производитель зла, как явление, разрушительно влияющее на все другие стороны жизнедеятельности общества. Вместе с ней, отмечал Оуэн, в общественную жизнь внедрился пагубный принцип, сущность которого сводится к тому, «чтобы производить или добывать все предметы

с возможно *малой* затратой труда и получать за них в обмен возможно *большее* количество труда» [1, с. 210]. Этот «торгашеский дух», столь раздражавший Фурье и проникший во все поры буржуазной цивилизации, как видим, не остался незамеченным и Оуэном. По его мнению, стремление покупать дешево и продавать дорого — порочно с точки зрения всякой здоровой и чистой нравственности, ибо основано на мошенничестве и обмане и, в конечном счете, препятствует развитию лучших черт человечества, его способностей созидать счастье. Этот принцип, писал Оуэн, «ставит всех отдельных людей в состояние прикрытой враждебности друг к другу; он превращает человека в невежественное и эгоистичное существо и создает беспорядок в умах и поведении людей; он враждебен искренности, милосердию и доброте; он порождает склонность к извлечению пользы из других, и пока он будет господствовать на практике, нельзя ожидать, чтобы люди стремились способствовать благополучию и счастью каждого» [2, с. 114—115]. Поскольку действие этого принципа распространяется на всех, и вместе с тем в своем «стремлении извлечь выгоду из других человек превзошел самого себя» [1, с. 210], в итоге «все испытывают недовольство, столь же всеобщее, как и сама эта практика» [2, с. 210]. Так не лучше ли укротить это невежественное стремление, ибо истина, порождающая счастье, и ложь с ее горестями не могут властвовать умами общества, и одна из них непременно «должна уступить дорогу другой»? — спрашивал Оуэн себя и сообщество философов.

«Индивидуальное богатство» (частная собственность) и торгашеский принцип, объявленные капитализмом «божеством всего мира», «величайшим стимулом для деятельности людей», в действительности, как считал Оуэн,

представляют собой «явное сумасшествие и прямое безумие». Одной из составляющих этого сумасшествия является также денежная система современного общества, которая «ослепляет разум человеческого рода и заставляет его предполагать, что деньги являются богатством и что всякое их накопление всегда недостаточно» [2, с. 208]. Будучи следствием искусственных (человеческих) законов и выражением искусственной же меры труда и богатства, деньги постепенно превратились в конечную цель испорченных невежеством человеческих стремлений. И если при своем введении в употребление и в течение нескольких последующих веков («пока блага были скудны и средства для их годового воспроизводства трудно доступны») деньги «представляли много удобств», то затем они «стали орудием грубейшей несправедливости и средством угнетения человека, особенно у народов, которые называют себя самыми просвещенными» [2, с. 50]. Сегодня они используются собственниками для того, чтобы получить наиболее ценные блага, не производя их. «Изучив денежную систему общества, — писал Оуэн, — мы обнаружили, что она превратилась в хитроумно устроенное приспособление для лишения людей, фактически производящих богатства, законных плодов их труда и для превращения трудящихся классов в рабов тех, кто бесполезен и ничего не производит» [1, с. 321]. При помощи этого систематического и «проводимого в широком масштабе обмана» бесполезные члены общества становятся обладателями изобильных богатств, тогда как полезные обречены на голод.

Хотя деньги, как считал Оуэн, и не являются корнем всех зол (таковым у него всегда и везде выступало невежество), они тем не менее служат причиной неисчислимых заблуждений человеческого

рода. В ряду подобных заблуждений Оуэн особенно выделял то, согласно которому миллионы граждан в самых коммерчески развитых странах должны оставаться безработными, жить в бедности, а нередко и умирать с голоду лишь только «потому, что нет достаточного количества известных металлов незначительной внутренней ценности для обращения в качестве искусственно созданных денег, на основании воображаемой и ложной ценности их» [2, с. 202]. Оуэн называл это заблуждение «представлением расстроенного воображения», «самым нелепым и диким из всех безумных представлений» и т. п. Именно это заблуждение, по Оуэну, «породило и продолжает порождать больше отвратительной нищеты и разнообразных преступлений, нежели все армии мира» [2, с. 202]. И пока человеческий ум не освободится от него и от этой безумной власти денег, «люди не смогут мыслить и действовать как разумные существа и мир не будет ни чем иным, как большим домом для умалишенных, постоянно волнуемым анархией и неурядицей, где каждый человек явно или скрытно находится в антагонизме со своими ближними...» [2, с. 170].

Безудержное стремление собственников к бесконечному увеличению их богатства, господство торгашеского принципа и использование денег в целях личного обогащения своей обратной стороной и своим неизбежным следствием имеют обнищание всё новых слоев населения: «...огромная масса людей погружена в глубокое невежество и лишена жизненных удобств; значительная часть их не имеет даже достаточного питания, испытывает всяческие лишения и находится в самой глубокой нужде и горе», — констатировал Оуэн [1, с. 141].

Однако более всего его возмущало не само наличие бедности в обществе, вполне объяснимое при низком уровне

развития производительных сил, а ее постоянное возрастание в условиях увеличения национального богатства и мощи государства: «...даже в Англии, т. е. в самой передовой стране всего мира, такие явления, как ужасы медленной голодной смерти при самых потрясающих обстоятельствах, нередко даже в столице, как и во всех ее провинциях» [2, с. 91]. И это несмотря на то, что «созданные наукой с помощью изобретений, открытий и усовершенствований» производительные силы Англии выросли в течение столетия «с величины, равной труду приблизительно двенадцати миллионов обученных взрослых мужчин, до величины, которая без содействия научных знаний потребовала бы теперь труда более чем восьмисот миллионов хорошо обученных взрослых людей для производства той же самой работы за то же самое время» [2, с. 88].

Такое положение дел, характеризующееся ненормальным сочетанием крайностей (знаний и невежества, богатства и бедности, расточительной роскоши и глубочайшей нужды), вдобавок ко всему прочему объясняется никуда не годной организацией труда и потребления. Она, по мнению Оуэна, основана на неправильных началах, а посему «так непроизводительна и имеет столько недостатков, что большинство людей не в состоянии без величайшего напряжения и беспокойства добыть достаточно средств для обеспечения себе обычных жизненных удобств» [1, с. 121].

Одним из самых очевидных в ряду организационных недостатков Оуэн называл тот, который связан со снижением рыночной цены естественной производительной силы в условиях промышленной революции. Обесценение человеческого труда, вызванное широким введением машин (искусственной производительной силы) в странах

Европы и Америки, главным образом в Великобритании, Оуэн вообще считал *непосредственной* причиной обнищания большей части населения [1, с. 87]. Не способствовало, с его точки зрения, увеличению мощи производительных сил и «тщательное» разделение умственного и физического труда, которое фактически «представляет собой лишь другое проявление бедности, невежества, бесполезных потерь <...> нужды и величайшего телесного и умственного бесилия» [1, с. 249].

К несомненным порокам практикуемой в странах буржуазной цивилизации организации труда, влекущим за собой страдания «бедных и трудящихся классов», Оуэн относил также неправильное использование как естественных, так и искусственных производительных сил. Имея в виду, в частности, Англию, он отмечал в связи с этим: «Значительная часть нашей естественной производственной мощи, заключающейся в физических и умственных силах человека, оказывается теперь не только не производительной, но составляет тяжелое бремя для страны, причем действующая система быстро деморализует население; в то же время значительная часть наших искусственных или механических средств производства используется для производства такой продукции, которая представляет мало реальной ценности для общества; вместе с тем эти производительные силы создают бесчисленные, тяжелые беды как для лиц, занятых производством, так и для значительной части общества вообще, а отсюда и для всего населения в целом» [1, с. 115—116].

Нельзя примириться и с таким подходом к организации труда, при котором в условиях нехватки какого-либо вида богатства определенный слой общества продолжает вести праздный образ жизни, а люди, желающие работать,

принуждены оставаться безработными. Конец этому безумию, свирепствующему в цивилизованных частях света, может быть положен только тогда, считал Оуэн, «когда люди, которые станут управлять образумившимся населением, откажутся от порядков, стесняющих приобретение знаний и создание богатства» [2, с. 205]. В противном случае «не будет получено даже одного процента того богатства, которое население могло бы создать, и тех знаний, которые оно в состоянии усвоить и развить» [1, с. 382].

Неправильная организация труда, сопровождаемая нерациональным распоряжением производительными силами и порождающая нищету и преступления вместо благосостояния и добродетелей, усугубляется, по мнению Оуэна, несправедливым распределением. Суть этой несправедливости заключается в абсолютном несоответствии распределительных отношений, действующих во всех современных странах буржуазной цивилизации, принципу воздаяния, в соответствии с которым «то, что создает новые богатства, естественно, стоит того богатства, которое оно создает» [1, с. 208]. Между тем, полагал Оуэн, рабочий, «производящий новые ценности, по справедливости имеет право на соответствующую их часть; правильно поняты интересы общества требуют, чтобы человек, производящий ценности, получал справедливую и твердо установленную их долю» [1, с. 209]. Разумеется, в двух приведенных цитатах, взятых из одного абзаца, можно усмотреть некоторую непоследовательность во взглядах Оуэна на распределительный механизм. В первом случае он, по существу, утверждает право рабочего на полный продукт его труда, тогда как во втором — лишь на «справедливую и твердо установленную» долю этого

продукта. Однако сам факт привлечения внимания к проблеме эксплуатации, рассматриваемой Оуэном в качестве одной из причин обнищания рабочих, заслуживает уважения.

Продолжая анализ отношения Оуэна к определяющим принципам функционирования буржуазной цивилизации, заметим, что разящие стрелы его выступлений были направлены не только в адрес экономического устройства современного ему общества, хотя эта сторона его критики и выглядит, думается, наиболее основательной и значимой. Весьма нелицеприятным оценкам Оуэна подверглись также господствующий здесь принцип индивидуализма, обуславливающий социальную вражду; существующие формы брака, основанные, как правило, на расчете и лжи; принятая система воспитания, не способная не только освободить сознание человека от распространенных заблуждений и суеверий, но, напротив, повсюду плодящая бездуховность и безнравственность; международная политика, извращенной целью которой стало «величайшее безумие борьбы и разъединения» людей и народов и т. д.

Сознательно опуская подробное рассмотрение этих и многих других проблем, обратим внимание лишь на критику Оуэном политической системы буржуазного общества, его властно-управленческого механизма. Это тем более необходимо сделать, учитывая, что Оуэн, как известно, «не жаждал крови» и часто апеллировал к властям, высшим государственным деятелям многих стран мира, предлагая им принять его проекты реорганизации общественно-политического устройства. В результате может создаться ложное впечатление о нейтральном или даже позитивном отношении Оуэна к существовавшему в его время политическому режиму.

В действительности, однако, это не совсем так, ибо реверансы в адрес властных структур носили у Оуэна скорее вынужденный и формальный, нежели содержательный характер. В принципе же Оуэн был твердо убежден в абсолютной непригодности данной общественно-политической системы для реализации основной цели человечества — достижения счастья.

Вероятно, есть смысл начать выяснение его позиций по данной проблеме с относительно общего вопроса — о тех политических институтах, с помощью которых государство осуществляло свою буржуазную миссию в обществе. Полагая, что система политических учреждений была создана предками из лучших побуждений (сформировать «у людей самый совершенный характер и обеспечить им благосостояние»), Оуэн утверждал, что в его время эти учреждения выполняли фактически противоположную функцию: вели людей к неразумию. И происходило это потому, что в основу их деятельности были изначально положены принципы теологии, а следовательно, фальши («теология и фальшь неизбежно сочетаются вместе...» [1, с. 317]) относительно человеческой природы. Отсюда вытекает, что данные учреждения, опирающиеся на искаженные представления о сущности человека, «никогда не могут дать людям высшего характера, не могут управлять человеком так, чтобы обеспечить ему прочное благосостояние или оказывать справедливость человеческой природе, т. е. как отдельным людям, так и их совокупности. Поэтому тщетно воображать, что эти старые учреждения, основанные на лжи и безрассудстве, можно и впредь навязывать людям нашего века при их растущем опыте, или что их можно сохранить, когда фундамент, на котором они построены,

подрит и когда их несправедливость и неправедность обнаружены населением всего мира» [2, с. 287].

Общий порок «незнания человеческой природы» характеризует и исполнительную власть, деятельность правительств. Не обладая истинными знаниями и опираясь на ложные принципы, правительства, естественно, внедряют в жизнь общества ту систему управления, которая соответствует именно их искаженным представлениям о ней, а по сути — систему зла и обмана, насилия и несправедливости. Это положение Оуэн в полной мере относил и к «самому передовому» правительству — британскому, убедительное подтверждение чему мы находим в тексте его послания «Ее величеству Виктории, королеве британской, и ее ответственным советникам».

Приведем лишь некоторые фрагменты этого текста, в котором Оуэн, по его собственным словам, «наперекор заблуждающемуся общественному мнению», рискнул возвестить королеве жизненную истину, состоящую в следующем: «Британское правительство, несмотря на свой передовой характер по сравнению со многими другими правительствами, есть правительство зла, делающее то, чего оно, ради общего счастья, не должно было бы делать, и оставляющее невыполненным все, что требуется для создания прочного благосостояния, благополучия и счастья населения. <...>

Придерживаясь такого нерационального образа действий, британское правительство *заставляет* сначала народ путем неразумных и несправедливых мер приобретать дурные привычки и совершать преступления, а затем не жалеет никаких расходов на обнаружение и наказание тех, чей характер оно раньше само исказило. <...>

Правительство санкционирует или допускает возникновение по всей стране нездоровых и безрассудных порядков, расстраивающих жизнь и поддерживающих это расстройство, а затем производит огромные расходы, делая ничтожные попытки приостановить обострившееся расстройство и достигнуть частичного исцеления, и оставляет нетронутыми основные причины, вызывающие зло, даже не задумываясь над ними.

Выражая постоянно желание обеспечить народу прочное благосостояние, правительство на деле принимает самые действенные меры для воспрепятствования возможному достижению этой цели» [2, с. 125—127].

Оуэн сформулировал и свое собственное, весьма недвусмысленное суждение, подчеркнув таким образом, что британское правительство «является прямой или косвенной причиной всего невежества, бедности, всех болезней, розни, преступлений и сопряженных с ними бедствий, которые теперь так широко распространены в британских владениях» [2, с. 128]. Если к этому добавить его бесчисленные высказывания о том, что современные ему правительства грабят и убивают «производительные классы без всякой разумной цели», что в их силах «самую вопиющую несправедливость объявить законной, а самый похвальный поступок объявить грубым нарушением закона», что «все правительства были до сих пор правительствами насилия и обмана» [2, с. 175; 1, с. 377; 2, с. 106] и т. п., то не вызовет удивления и общий вывод Оуэна относительно этой ветви политической власти: «Всеобщее недовольство правительствами естественно продолжает существовать и будет существовать до полной реорганизации общества, основанной на истинных принципах человеческой природы и общества» [2, с. 105].

Негодование Оуэна обрушивалось не только на власть исполнительную, но и на власть законодательную, за то, что принятые ею «искусственные законы» имели, по существу, одну неблагоприятную цель: «...держать народ в грубом невежестве и унижительной бедности, заставить его приобретать дурные привычки, довести постепенно людей до совершения преступлений, пока они, переходя от одного преступления к другому, не становятся подчас совершенно невыносимы для общества и таким образом вызывают необходимость в искусственной системе наказаний» [2, с. 126]. Эти законы представляют собой величайшее зло уже хотя бы потому, что они, будучи основанными на незнании человеческой природы, имеют классовый характер и служат не для объединения, а «для разъединения классов и отдельных людей, для того чтобы массы жили в самых худших условиях, для создания самого немилосердного, недоброжелательного и несправедливого духа у всех» [2, с. 112].

В связи с этим у Оуэна не вызывали сколько-нибудь трепетного отношения ни английский и французский парламенты, ни конгресс США, порождающие эти законы. Весь пыл деятельности их представителей направлен, по мнению философа, не на полезные практические дела, не на просвещение масс и улучшение условий их жизни, а на пустую болтовню, что, разумеется, не прибавляет им авторитета: «Непоследовательный вздор, ежедневно изливаемый в речах членов трех ведущих законодательных собраний мира, как бы рассчитан на то, чтобы создать ту дурную славу, которую они приобрели. <...> Члены их получают столь отчаянно плохое воспитание с самого дня своего рождения, что они могут лишь служить образцом того, каковы результаты искажения человеческого характера, какому он подвергается

с рождения. Вместо того чтобы просвещать человечество при помощи здравых принципов, которые должны дать ценные результаты, причем такие знания могли бы быстро распространиться в обществе, они распространяют во всех странах, где допускается публикация их прений, совершенно бесполезные личные и местные предрассудки, способные только внести замешательство в умы всех читающих их. Дело жизни, которое могло бы быть просто и ясно, доступно для всех в теории и полезно на практике, становится столь сложным, что никто не понимает его принципов и не может успешно применять их на практике. Эта ошибка становится со дня на день все более очевидной для миллионов, и постепенно те, кто желает улучшить условия жизни всех классов, отказываются от чтения этих более чем бесполезных речей» [2, с. 111—112].

Вообще говоря, Оуэн весьма настороженно относился не только к парламентам, но и, например, к такому следствию либерализации общества, каким выступает многопартийность. Она, по мысли Оуэна, возможно, и была бы полезна, но при одном обязательном условии — оппозиционные партии должны не просто ощущать зло, идущее от властей предрержащих, но и противодействовать ему, противопоставив добро, а для этого надобно обладать знаниями, необходимыми для разработки своей позитивной программы. В действительности же дело обстояло иначе: «Республиканцы, социалисты и все те, кто враждебен обществу, которое управляется на старых началах, чувствуют это зло, сознают присутствие какой-то основной неправильности, но вследствие недостаточности знаний они сражаются с ней впотьмах и причиняют огромные страдания не только противникам, но и своим друзьям. Они не отличают

начал добра и зла и не в состоянии рекомендовать какие-нибудь всесторонние и целостные практические мероприятия, основанные на начале добра или истины. Они возбуждают человеческий ум и чувства и побуждают их чутко реагировать на действие системы зла; но они еще не осведомлены относительно принципов и действия начала добра, как целой системы, предназначенной для управления людьми в малых или больших обществах. Они должны еще значительно развить свой ум и расширить свой опыт, чтобы быть в состоянии понять эту новую совокупность принципов и действий и стать надежными руководителями для других» [2, с. 132—133].

Не вызвали симпатии Оуэна также выборы, которые «действуют деморализующим образом на избирателей и избираемых и сопряжены с бесчисленным множеством зол для общества». Но с еще большим раздражением он относился к избирательным кампаниям, несущим с собой ложь и некорректное отношение к соперникам: «Избирательная борьба возбуждает наихудшие страсти и всякого рода обман; партии, участвующие в столкновениях интересов, редко помышляют о благожелательности, доброте и снисходительности к противникам. От столь неразумных и отталкивающих приемов никогда не может быть добра» [2, с. 253].

Справедливости ради следует отметить, что негативное отношение Оуэна распространялось не только на либеральные, но и на другие действовавшие в истории формы правления. Причина тому — неспособность этих форм, в условиях невежественности общества, создать высший характер у человека и обеспечить счастье для народа. Обосновывая необходимость утверждения в жизни людей «новой организации общества», Оуэн подчеркивал: «Снова

и снова подвергались испытанию все формы правления со всеми возможными видоизменениями, и все они оказались непригодными для создания высшего характера управляемых и для их счастья. <...> Почему же это так? Очевидно, потому что современная организация общества не позволяет достигнуть этих целей, пока люди и народы остаются настолько неразумными, что стремятся быть управляемыми на основе ложных принципов» [2, с. 104].

Как видим, Оуэн дал отрицательную оценку практически всем звеньям властно-управленческого механизма буржуазной цивилизации — от действующих политических учреждений, структур исполнительной и законодательной власти до утвердившихся здесь либеральных процедур и форм правления. Понятно, что этот механизм, разводящий по разные стороны интересы управляющих и управляемых и доказавший свою полную непригодность в решении самой главной задачи — формирования высшего характера у человека для достижения счастья, — должен уступить место механизму, отбросившему господствующие ложные принципы и взявшему на вооружение практические знания. Именно к такому выводу и пришел Оуэн: «Прежняя система управления и руководства человечеством устарела, а невозможность при ней устранить причины пороков и несчастий ясна теперь каждому, кто умеет рассуждать; в то же время ее способность создавать эти пороки и несчастия также очевидна для всех. Ныне требуется новая система, основанная на знании фактов и на опыте; эта система устранит причины всех бед, которые так долго обременяли человечество» [1, с. 285].

Думается, сказанного вполне достаточно для того, чтобы по достоинству оценить критический дар Оуэна,

несмотря на то, что в сарказме по отношению к порокам и классификации последних он все же уступает, к примеру, Фурье, а в стиле изложения и философской глубине своих концепций — Сен-Симону. Однако именно Оуэн подверг последовательной и обстоятельной критике главное, с его точки зрения, зло буржуазной цивилизации (и с любой точки зрения — ее основу) — господство частной собственности. И даже то, что в основание этой и всей другой критики капитализма и его устоев Оуэн положил рационалистическую концепцию, идеалистическую по своей сути (концепцию о неразумности и невежественности человечества на этом этапе своего развития), несколько не умаляет качества и глубины его критических суждений.

Наши современники нередко воспринимают критический утопический социализм в первую очередь как утопию. Настоящая же статья нацелена на акцентирование критической составляющей научного социализма. Мы осмелимся также высказать (в качестве заключения) следующую мысль: чем более глубокой и объективной критике подвергается общественное устройство со стороны научного сообщества, тем более последовательным, поступательным и рациональным является общественное переустройство и тем шире возможности сообщества людей увидеть положительные итоги такого переустройства.

Обращаем также внимание на универсальный и вневременный характер критики «констант» капиталистического (равно как любого другого) общества: заинтересованная в максимизации личного обогащения власть; социальный

дисбаланс и несправедливость; непрофессионализм народа, составляющая ресурс безграничной власти для находящихся у ее кормила; все механизмы, институты и процедуры, разводящие властвующих и подчиняющихся по разные стороны социальных, классовых и имущественных границ. Критика Оуэна имеет более чем философский характер. Именно в силу этого обстоятельства мы не проводим параллелей с днем сегодняшним (нуждающимся в критической оценке несколько не менее, если не более современности Р. Оуэна). Параллели эти настолько очевидны, что, во-первых, излишни, а во-вторых, грозили бы существенным отклонением от предмета настоящей статьи.

Литература

1. **Оуэн Р.** Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1 / Пер. с англ. и коммент. С. А. Фейгиной; вступ. ст. В. П. Волгина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 416 с.: ил. (Предшественники научного социализма).
2. **Оуэн Р.** Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2 / Пер. с англ. и коммент. С. А. Фейгиной; вступ. ст. В. П. Волгина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 352 с.: ил. (Предшественники научного социализма).

Павлов Валерий Алексеевич (1941—2007) — кандидат философских наук, доцент, профессор (с 2001 г.) кафедры социальных наук и государственного управления Московского государственного областного университета (кафедры научного коммунизма Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской).

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, профессор кафедры философии, социологии и политологии (ФСИП) МИЭТ.

E-mail: rast-v2012@yandex.ru

Статья поступила 01 августа 2017 г.